

Леонид Гришин

Верность

Леонид Гришин

В этой книге писателя Леонида Гришина собраны рассказы, не вошедшие в первую книгу под названием «Эхо войны». Рассказы эти чаще всего о нем самом, но не он в них главный герой. Герои в них – люди, с которыми его в разное время сводила судьба: коллеги по работе, одноклассники, друзья и знакомые. Он лишь внимательный слушатель – тот, кто спустя много лет вновь видит человека, с которым когда-то заканчивал одну школу. Проза эта разнообразна по темам: от курьезных и смешных случаев до рассуждений об одиночестве и вине человека перед самим собой. О чистой любви, крепкой дружбе и вечной верности повествуют рассказы Леонида Гришина.

Иван Петрович

Однажды мне пришлось лететь на один из уральских комбинатов в командировку. Тот комбинат был под особым контролем правительства и ЦК, чем успешно пользовалось руководство. Мне предстояло закрывать очередную рекламацию. На самом деле это была не рекламация, а письмо с описанием дефектов, которые к нашему заводу не имели никакого отношения. Письмо было подписано главным инженером. Я был с ним знаком, но не уважал его, потому что знания его не соответствовали занимаемой им должности. От него приходили иногда такие бумаги, как сейчас — просто набор слов, конкретно нет никакой претензии, которая относилась бы к нашему заводу, к поставке нашего оборудования... Всё не по правилам: нет номера чертежа, не описан конкретный дефект. Но тем не менее выезжать всё равно пришлось.

Как прилетел, сразу же отправился на комбинат. В приёмной было много народу. Из знакомых я никого не узнал. Я подошёл к секретарю и сказал, что мне надо к Михаилу Васильевичу. Она спросила, по какому вопросу. Я ответил, что являюсь представителем завода по рекламации. Она сказала: «Минутку»,— и скрылась за дверью.

Я оглядел присутствующих и вдруг заметил одного знакомого. Он был окружён местными, и они о чём-то говорили. Мы встретились взглядами, он мне кивнул, я ответил тем же. Но вот вспомнить, откуда я знаю этого человека, у меня не получалось. Хотя и в том, что я точно его знаю, я был уверен. Пока я стоял в раздумьях, подошла секретарь и пригласила пройти.

Михаил Васильевич сидел за большим столом с зелёным сукном. Я поздоровался, он что-то пробурчал и царственным жестом указал на стул у приставного стола. Я выбрал тактику молчать. Он начал мне говорить, как ему тяжело здесь живётся, что поставщики совершенно разучились работать.

— То ли дело от японцев! Получаешь оборудование, и всё в таком порядке, аккуратненько сделано, всё в срок, никаких дефектов, а уж тем более брака. От своих же получаешь то ещё! Там заусенцы, даже страшно говорить; иногда приходит оборудование, у которого резьбы нарезаны одним первым метчиком, а то хуже того: иногда в этих отверстиях застрявшие метчики сломанные, которые мне приходится здесь зубами выгрызать.

Я посмотрел на него. Вроде бы зубы все целые. Думаю, интересно, как он ими грызёт металл. Я сидел, молчал, выслушивая претензии к поставщикам. В это время открылась дверь, и зашёл мужчина, который показался мне знакомым. Он поднял обе руки, как бы показывая, что, мол, ничего-ничего, разговаривайте, я вам не помешаю. Странно, значит, этот мужчина или более высокое начальство, или представитель министерства или прочих каких-то высоких контролирующих органов, раз он может свободно зайти к главному инженеру без стука и без доклада.

Он присел на стул. Я ждал паузы, когда Михаил Васильевич закончит своё высказывание в адрес поставщиков. Когда он закончил, я попросил осмотреть оборудование, в котором были замечены дефекты.

— Конечно, можно. Сейчас я дам указание, и инженеры вас проводят. Пусть вам ещё монтажники укажут, в каких полевых условиях нам приходится исправлять ваш брак. У нас сроки, мы подотчётны ЦК и правительству, а нам приходится исправлять брак, который вы сами не можете у себя исправить.

— Михаил Васильевич, не надо никого звать. Я сам Леонида Петровича провожу,— вмешался в наш разговор вошедший мужчина.

Этот мужчина назвал меня по имени-отчеству, хотя я его ещё нигде не озвучивал. Секретарю я просто сказал, что я представитель завода. С Михаилом Васильевичем мы знакомы, но вряд ли он помнит мои имя и отчество. К тому же, я был уверен, в разговоре он ни разу меня так не назвал. Меня не покидало ощущение, что я знаю этого человека, но вот вспомнить, откуда я его знаю, я не мог.

Мы стали выходить. Он пропустил меня вперёд и сказал:

— Сначала давайте зайдём ко мне,— и указывает на дверь.

Я читаю на двери: «Главный инженер». Оглянулся, посмотрел на дверь кабинета Михаила Васильевича — «Зам. главного инженера».

Странно. Мне было прислано письмо, подписанное Михаилом Васильевичем как главным инженером. Мужчина что-то сказал секретарю, мы прошли в его кабинет, он предложил сесть в кресло у журнального столика и обратился ко мне:

— Не узнаёте меня, Леонид Петрович?

— Извините, вижу знакомое лицо, но не могу вспомнить...

— Да, конечно, всех студентов-практикантов трудно помнить.

Вот оно что! Теперь-то я вспомнил — это же Ваня Дмитриев. Да... Уже лет десять, наверное, назад, как он был у меня на практике. Этот смыслёный и очень интересный мальчишка... И вот он теперь главный инженер этого комбината.

— Ваня Дмитриев, ты, что ли?

— Да, это я. Второй месяц, как меня назначили сюда главным инженером. Но здесь в моё отсутствие Михаил Васильевич немножко «соломки подстилает». Как обычно он делает: поскольку у нас намечались кое-какие срывы графика, то он, чтобы не организовывать работу, просто обвиняет в этом кого-нибудь со стороны. Очевидно, и вы попали в его список срывающих график ввода комбината. Но вы не беспокойтесь, я уже дал отбойную телеграмму, заодно уже дал телеграмму-благодарность за своевременную поставку и качественное оборудование. Я вам копию дам. Вы где остановились?

— Да я прямо с аэропорта сюда.

— Вот и прекрасно.— Он поднялся, посмотрел в свой ежедневник.— Сейчас вы поедете ко мне. Не беспокойтесь, я живу один. А я... так, так, так... в 21.30 я приеду,— сказал он, увидев мой серьёзный взгляд. Он нажал кнопку.— Галина Владимировна, будьте любезны, пригласите ко мне Василия Егоровича.

Зашёл мужчина, лет ему, наверное, под шестьдесят. В кожаной туатурке.

— Василь Егорович, вот Леонид Петрович. Отвезите его ко мне домой, посмотрите в холодильнике. Марии Николаевне скажете, чтобы она там сообразила, и попросите, чтобы она к девяти тридцати приготовила ужин. Мы с Леонидом Петровичем поужинаем. Хорошо?

— Хорошо.

— Так что, Леонид Петрович, до вечера. Я приеду в 21.30.

Я вышел вслед за Василием Егоровичем. Мы поехали домой к Ивану Петровичу.

— Как главный инженер? — спросил я шофёра по пути.

— Да я его давно знаю, я ещё на прошлом комбинате у него шофёром был. Он и сюда меня пригласил. Мы с женой приехали, поскольку у нас дети выросли. Они все в центр переехали: сын в Москве, дочь в Ленинграде, а нам с бабкой всё равно, где жить. Так что мы его давно знаем. Что сказать об Иване Петровиче? Его за два месяца уже все знают, и он всех знает. С его памятью... Такая память у него, понимаете ли. Не говоря уже о том, что он тут руководство — и городское, и районное, и областное по именам-отчества, всех начальников строительных и монтажных участков, всех бригадиров знает по имени-отчеству и практически всех рабочих. Удивляться приходится, как можно в голове держать столько имён. Кроме того, он знает, у кого какие болячки, и старается помочь. Конечно, такого человека уважают.

Приехав, мы зашли в весьма ухоженную трёхкомнатную квартиру. Я не заметил ничего, что свидетельствовало бы о существовании женщины в этом доме.

— Иван Петрович сказал, что он один живёт.

— Да, он не женат.

— Ему уже много лет?

— Да, вот так...

— И что же, нет женщин?

— Да понимаете, как... Может быть, и есть женщины, но в эту квартиру он не водит, здесь их не бывает. Он сказал, что в свою квартиру, в свой дом, введёт только жену. А вот жены пока у него нет. Здесь у него бывают только родственники. Никого он не приглашает к себе домой, кроме родственников. Иногда отец или брат приезжает. Но вот сделал какое-то исключение для вас. Он говорил, что он вас считает своим учителем.

Для меня было странно. Не такой уж и длительной была практика, чтобы считать меня учителем...

— Да, он рассказывал, что после того, как в Питере практику прошёл, вас считает своим учителем.

Он поставил чайник, полез в холодильник, достал колбасу, сыр, очень быстро и умело нарезал бутерброды.

— Я с вами перекушу, у вас ещё какие вопросы есть ко мне?

— Нет.

— Вот эта комната — его спальня-кабинет. А вот это — гостевая, в которой или отец его, или брат останавливаются. Так что вы спокойно здесь занимайте, а я жене скажу, она к ужину всё приготовит.

Попили чаю. Он ушёл, а я принял душ, отдохнул и пошёл прогуляться по городу. Все города, когда рядом идёт большое строительство, имеют неряшливый вид. Я в молодости ездил по монтажам представителем завода на строительства ГЭС и комбинатов. Так когда там жилые комплексы строились, сапоги были основной обувью, чтобы пройти по стройке и городу. Но здесь чувствовалось, что какой-то порядок есть.

В девять тридцать, как по часам, приехал Иван Петрович — бодрый и весёлый. Он ушёл в ванну. Через десять минут вышел освежившийся, и мы сели ужинать. Он стал расспрашивать меня о моих сотрудниках, причём называл он их всех по именам-отчествам, хотя прошло уже около десяти лет с тех пор, как он был у меня на практике. Он интересовался моими сотрудниками, их детьми, где учатся, где работают. Мне даже было иногда неудобно, что у меня отсутствовала информация о некоторых...

— Тебе уже, Иван Петрович, где-то под сорок и ты не женат. В чём дело?

Он закусил нижнюю губу, посмотрел на меня, положил вилку.

— А вы знаете, наверное, и не женюсь.

— А чего так? Вроде бы ты человек здоровый, внешностью тебя господь не обидел, и вдруг женоненавистник.

— Да нет, я не женоненавистник. Знаете, в институт я поступил уже после армии не мальчишкой, а зрелым человеком. В армии я комсомольским лидером был. И в институте сразу же начал комсомольской работой заниматься. Учёба мне давалась легко, свободно, поэтому общественная работа не так уж много отнимала у меня времени и ничем мне не вредила. Хочу сказать, что женский пол тоже мне уделял внимание. И в армии было, и чего греха таить — иногда офицерские жёны приглашали в гости, когда мужья уезжали в командировки. И здесь тоже в институте: колхоз, картошка, стройотряды... Это всё мною возглавлялось, и, конечно, были там и подружки, и любовь была — всё это, как говорится, молодое. Так, по-моему, и должно быть.

И где-то после четвёртого курса мне захотелось проехать на теплоходе по Волге. Просто мечта была. У нас тогда были военные сборы (у нас кафедра была военная), и после этих сборов я, естественно, в тот год в стройотряд не поехал, а, вернувшись в институт, в профкоме выпросил путёвку на теплоход по Волге. И вот тут-то случилось...

Я молчал, слушал, что же могло случиться.

— Я приехал на речной вокзал почти к самому отходу теплохода. Но я ещё до трапа не дошёл, как вдруг перестал замечать всё вокруг, кроме одного лица на палубе. Женского лица. Я не знаю, почему так. Говорят о какой-то любви с первого взгляда. Теплоход, люди — всё это превратилось просто в фон, на котором она — блондинка с голубыми глазами...

... Она стояла на верхней палубе и смотрела, как народ садится. Она улыбалась, а мне так захотелось с ней познакомиться! Дурацкое же у меня было, наверное, выражение лица, когда я вот так вот встал и уставился на неё, не в силах оторвать взгляда. Я так засмотрелся, что в какой-то момент мне показалось, будто она мне ручкой махнула. Я тоже махнул рукой и поднялся на теплоход.

Матрос показал, где моя каюта. Я быстро прошёл и бросил рюкзак с вещами. Мне хотелось вновь увидеть поближе эту женщину, смотреть на неё... Что-то такое со мной случилось. Представляете, это я, который уже не мальчик, уже третий десяток скоро будет заканчиваться, и вдруг такое вот... Я прошёл по палубе там, где она стояла — нет её. Думаю, что за наваждение, в самом деле! Пришёл к себе в каюту, и представляете, перед глазами у меня это личико. Абсолютно правильные черты лица: прямой носик, большие голубые глаза с пушистыми ресницами и ямочки, которые появлялись у неё на щёчках, когда она улыбалась. Думаю, ну вот она — моя вторая половинка...

За ужином случилось невероятное. Я оказался с ней за одним столом. Но мы были не одни. Она оказалась замужем. Чувствовал я себя тогда, надо сказать, идиотом.

Мы познакомились. Она назвала себя Олей, он Виктором. Я пробурчал своё имя. Они очень весёлые были, а я смотрю на неё и не могу оторвать взгляда ни от её лица, ни от её рук, ни от её высокой, красивой груди. И всё в ней такое притягательное. Сами руки тянулись к ней взять её и ласково обнять. Но она замужем ведь.

Так и сижу, уткнувшись в тарелку, ничего не могу поделать. Они мною очень заинтересовались. Всё спрашивали, кто я, откуда, чем занимаюсь, какие интересы у меня — обо всём расспрашивали, то он, то она. Я отвечал, а сам... Мне неудобно было смотреть ей в лицо, поэтому я смотрел на её руки. У неё такие красивые руки! Узенькая ладошка с длинными, круглыми, розовыми такими пальчиками с превосходным маникюром. Мне так хотелось взять сейчас эти ручки и расцеловать...

Кое-как я проглотил то, что там было, после чего ушёл к себе в каюту. Я лежал и смотрел в потолок. Но и на потолке мне виделось лицо этой прекрасной незнакомки.

Как обычно бывает в круизе: ночью едешь, а днём остановка по городам. И там экскурсии организованы. Мы отправились на автобусную экскурсию. Она села рядом со мной, и мы о чём-то разговаривали. Когда мы были на экскурсии, она иногда брала меня за руку, и часто, ненароком, я локтем касался её груди. В один из таких моментов я понял, что у неё нет бюстгальтера под кофточкой. Меня пронизывала дрожь...

Её муж делал вид, будто бы не замечал, что она кокетничает со мной. И вот представляешь, весь день я провёл в таких мучениях рядом с этой женщиной.

Вечером за ужином оказалось, что Виктор в городе купил бутылку коньяка. Он открыл коньяк и предложил выпить за знакомство. Мы начали пить. Почти сразу же она оставила нас одних. Виктор всё наливал, а я выпивал. Даже не знаю, пил он или нет. Не знаю, сколько я тогда выпил. Он что-то говорил, рассказывал, а я его не слушал. Просто-напросто не слушал, так как был занят своими мыслями. Я переживал вновь и вновь этот день, как она брала меня под руку, как прижималась ко мне. Я чувствовал её рядом, чувствовал её запах, её прикосновения. Он что-то говорил, говорил, что-то о каких-то болезнях, о каких-то детях, ещё о чём-то. Я ничего не слушал. Сколько выпил — тоже не знаю, голова какая-то дурная была.

Вдруг он мне говорит:

- Ну, ты согласен или нет?
- В чём? — спросил я, очнувшись.
- Ну как в чём? Я тебе весь вечер говорю. Ты согласен или нет?
- Извини, я прослушал, о чём ты.
- Как о чём? Я же тебе весь вечер толкую: согласен ли ты переспать с моей женой за деньги?

Я моментально протрезвел. Ёлки-палки! Это же, оказывается, сутенёр самый настоящий! Торгует своей женой! У меня рюмка оказалась недопитой, я этот коньяк плеснул ему в морду, ударил его и ушёл.

Вернулся в свою каюту.

Вот те раз! Влюбился в женщину, которую продают! Весь оставшийся вечер я ругал себя всякими словами.

Естественно, утром ни на завтрак, никуда я не пошёл. Пошёл в бар. Голова, конечно, трещит. Взял пиво. И вдруг заходит эта женщина. Я на неё уже другими глазами смотрел. Конечно, она красивая, она прекрасная, но она же продажная... Она — за деньги.

— Мне нужно с вами поговорить,— сказала она.

Я хотел нагрубить, но промолчал.

— Вы, очевидно, моего мужа вчера неправильно поняли, я так предполагаю. Дело в том, что да, я женщина замужняя. Но хочу вам сказать, что в моей жизни только один мужчина. И это мой муж. И вы не поняли, очевидно, о чём он говорил. Он в детстве переболел, и мы не можем иметь детей. Мы с ним договорились, что если мне понравится какой-нибудь мужчина, то мы согласны заплатить, чтобы он стал отцом, чтобы мы могли родить ребёнка. И вот с того времени, как мы договорились с моим мужем, вы первый мужчина, который мне понравился, от которого я могу родить ребёнка. Мы согласны заплатить вам. Если я вам не нравлюсь как женщина, если вам неприятно быть со мной, мы вам заплатим.

Господи! Оказывается не с меня они хотели деньги получить, а мне... Чтобы я переспал с этой женщиной. До меня с трудом доходили эти слова.

— Если вы в чём-то сомневаетесь, то у меня есть справки... Я абсолютно здорова. Никакими болезнями я не болела, тем более венерическими. Если хотите, я вам покажу.

Я смотрел на неё и не верил своим ушам. Не верил, что я вижу.

— Я понимаю, вам хочется подумать. Если вы примете решение, я буду ждать в каюте. Муж уже сошёл на берег, его не будет на корабле.

Я взял ещё пива и ушёл к себе в каюту. Я не знал, что делать. Через час я зашёл к ней. Она была одна. Она была так прекрасна, что я вообще потерял голову. Дальше не хочу рассказывать. Коротче, три дня и три ночи мы были вместе. Это было такое счастье,